

Посвящается всем,
кто осмелился ступить в дивный новый мир
в поисках чего-то большего.

И Виктору, как всегда.

Каждый день на белом свете
Где-нибудь родятся дети.
Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.

*Уильям Блейк.
Прорицание Невинного¹,*

---

¹ Перевод С. Маршака.

Comme au jeu le joueur têtù,
Comme a la bouteille l'ivrogne,
Comme aux vermines la charogne,
— Maudite, maudite sois-tu!

Charles Baudelaire,
Le Vampire

И как к игре игрок упорный,
Иль горький пьяница к вину,
Как черви к падали тлетворной,
Я к ней, навек проклятой, льну.

Шарль Бодлер
Вампир¹

---

¹ Перевод Эллиса (Л. Кобылинского).

ПРОБУЖДЕНИЕ

Сначала нет ничего. Только тишина. Океан забвения всюду.

А затем обрывки воспоминаний становятся отчетливее. Шепот чужих голосов обретает смысл. И вот уже звучит смех той, кого он однажды любил; трещат в огне камина капли смолы; воздух пропитан ароматом сливочного масла, которое неспешно тает на ломте свежего хлеба.

А следом из хаоса появляются и видения, становясь четче и ярче с каждым мгновением. Рыдает юная девушка — ее глаза зеленые, точно изумруды, а волосы черные, как разлитые чернила, — она склоняется над ним, сжимает его перепачканную кровью руку и умоляет о чем-то, ее голос звучит хрипло.

«Кто же я такой?» — задается вопросом он.

Его охватывает злое веселье.

Он ничто. Никто. Навеки.

Запах крови наполняет его ноздри — тот самый аромат, сладкий, дурманящий. Точно благоухающая папайя на фруктовом прилавке в Сан-Хуане в детстве, когда сок тек по рукавам его рубашки.

Все его нутро заполняет голод. Не тот голод, который он привык испытывать, а всепоглощающая, всеобъемлющая пустота. Ноющая боль стискивает его мертвое сердце, и волна этой кровавой жажды бежит по венам. Голод пронзает его желудок, точно когти хищника, смыкающиеся на своей жертве. Гнев растет в его груди. Появляется нестерпимое

желание найти что-нибудь и уничтожить. Отобразить чужую жизнь. Чтобы та заполнила пустоту внутри него. Там, где недавно плескался океан забвения, теперь бегут алые реки, и багрянец стекает, точно ливень, к его ногам, обращая его самого в дикое пламя.

«Мой город. Моя семья. Моя любовь».

«Так кто же я такой?»

Из полыхающего огнем гнева появляется имя:

«Бастьян. Меня зовут Себастьян Сен-Жермен».

БАСТЬЯН

Я лежу неподвижно, и мое тело словно парит в невесомости. Его сковала судорога. Я ощущаю себя так, будто меня заперли в темной кладовке, я не могу говорить и задыхаюсь от мысли о своем собственном глупом поступке.

Дядя предупреждал меня однажды, когда мне было всего девять лет. С моим самым близким другом, Майклом, мы украли упаковку сигар, свернутых руками пожилой леди из Гаваны, которая работала на углу между улицами Бургунди и Сен-Луис. Когда дядя Нико застукал нас курящими в аллее рядом с рестораном «Жак», он отправил Майкла домой, и его голос звучал по-кладбищенски тихо. Плохой знак.

А потом дядя запер меня в кладовке с упаковкой этих самых сигар и коробком спичек. Он сказал мне, что я не выйду, пока не выкурю все сигары до единой.

Это был последний раз, когда я курил.

Мне потребовалось несколько недель, чтобы простить дядю Нико. И несколько лет, чтобы преодолеть отвращение к запаху табака. И полжизни, чтобы понять, почему ему так важно было преподать мне этот урок.

Я пытаюсь проглотить появившийся на языке призрачный привкус желчи. Не получается.

Я знаю, что сделал дядя Никодим. Хотя мои мысли до сих пор затянуты туманом — скрыты за завесой слабости моего умирающего тела, — я знаю, что он превратил меня в одного из них. Теперь я вампир, как и мой дядя. Как и моя мать,

которая приняла свою финальную смерть добровольно, когда на ее губах блестела кровь, а в руках она сжимала мертвого человека.

Теперь я бездушный сын смерти, проклятый пить кровь живых до скончания времен.

Звучит глупо даже для меня, учитывая, что я еще мальчишкой узнал о существовании подобных монстров. Точно это какая-то шутка, рассказанная старой тетушкой, которая не умеет шутить, но обожает все драматизировать. Женщиной, которая может порезаться своим бриллиантовым браслетом и будет рыдать и стонать, если хоть одна капелька крови запачкает ее шелковые юбки.

И вот я снова становлюсь голодом. С каждым мгновением во мне все меньше и меньше человеческого. Все меньше от того, кем я однажды был, и все больше от того, кем я стану навеки. Демоном, жаждущим крови, которому все мало, которого не спасти.

Слепящий гнев следует по пятам за моей жаждой, воспламеняясь, как дорожка из селитры, тянущаяся от бочки с порохом. Я понимаю, почему дядя Нико так поступил, однако мне потребуется не одна жизнь, чтобы простить его. Только самое жуткое стечение обстоятельств могло побудить его обратить последнего живого члена его смертной семьи — единственного наследника состояния Сен-Жерменов — в демона Другого мира.

Его род умер со мной, когда моя смертная жизнь оборвалась так внезапно и скоропостижно. Очевидно, такое решение стало для него последним утешением. Голос звенит у меня в голове — женский голос, эхо которого дрожит:

«Пожалуйста. Спасите его. Что я должна сказать, чтобы вы спасли его? Мы договорились?»

Когда я понимаю, кому принадлежит этот голос и что она сделала ради моего спасения, мне хочется завывать, но мой вой звенит в пустоте, где однажды была моя душа. Я не могу сейчас думать об этом.

Мой провал не позволяет думать об этом.

Достаточно уже мысли о том, что я, Себастьян Сен-Жермен, восемнадцатилетний сын попрошайки и вора, стал чле-

ном Падших. Я примкнул к роду кровососущих, к тем, кого изгнали с принадлежащих им по праву земель из Другого мира за их алчность. Существа ночи, вступившие в войну длиной в несколько столетий со своими заклятыми врагами, с Братством оборотней.

Я пытаюсь заговорить, но у меня ничего не выходит, горло сдавливают, а тяжелые веки не поднимаются. В конце концов смерть слишком могущественный противник, ее не так легко победить.

Роскошный шелк шуршит у моего уха, и воздух наполняет сладковатый аромат. Неролиевое масло и розовая вода. Парфюм Одетты Вальмонт, моей близкой подруги, невозможно спутать ни с чем. На протяжении почти что десяти лет она оберегала мою жизнь. А теперь она стала моей кровной сестрой. Вампирша, обращенная тем же созданием.

Большой палец на моей правой руке вздрагивает, когда она встает ближе. И все-таки я до сих пор не могу проронить ни слова, не могу свободно двигаться. До сих пор я заперт в своей темной кладовке, и у меня нет ничего, кроме упаковки сигар и коробка спичек, а страх все бежит по венам, и голод щиплет язык.

Одетта рядом вздыхает.

— Он начинает приходить в себя. — Она делает паузу, и горькое сожаление звучит в ее голосе. — Он сильно разочлится.

Как и всегда, Одетта права. Однако в злости есть своего рода утешение. За ней таится обещание свободы: скоро у меня будет шанс выпустить свой гнев на волю.

— И имеет на это полное право, — говорит мой дядя. — Это самый эгоистичный поступок, который я когда-либо совершал. Если ему удастся пережить превращение, он возненавидит меня... как возненавидел меня Найджел.

Найджел. Одно только имя разжигает мою ярость с новой силой. Найджел Фитцрой, он стал причиной моей внезапной смерти. Он (а также Одетта и четверо других членов вампирской семьи моего дяди) защищал меня от врагов Никодима Сен-Жермена во главе с предводителем Брат-

ства. Годами Найджел поджидал удобного случая, вынашивал планы мести вампирам, которые украли его из родного дома и сделали демоном ночи. Притворяясь верным слугой, Найджел воплотил в жизнь несколько замыслов, подстроил события, которые должны были уничтожить самое ценное, что есть у Никодима: его живого наследника.

Меня предавали и прежде, предавал и я. Так уж устроен мир, когда ты живешь среди капризных бессмертных созданий и мастеров иллюзий, кружащих поблизости, словно тех, чей талант — создавать иллюзии вокруг, кто слетается к тебе как мухи. Всего два года назад моим любимым времяпрепровождением было обманывать и обворовывать самых плачевно известных колдунов города — полумесяца, которые нечестным путем заработали свое состояние. Худшие среди них свято верили в то, что простой смертный ни за что не сможет их одурачить. Возможность переубедить их приносила мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

Однако я никогда не предавал собственную семью. И меня никогда не предавал вампир, который поклялся защищать меня. Кто-то, кого я любил как родного брата. Воспоминания быстро мелькают в моей голове. События, образы, радостный смех, десятилетия верной службы. Мне хочется кричать и ругаться. Орать что есть силы, словно одержимый.

Увы, я слишком хорошо знаю, насколько внимательно Бог слушает молитвы проклятых.

— Я позову остальных, — бормочет Одетта. — Когда он придет в себя, пусть видит, что мы все вместе.

— Оставь его в покое, — отвечает Никодим, — ибо он еще не вышел из темной чащи леса. — Впервые я слышу беспокойство и страх в его голосе, однако эти эмоции исчезают почти сразу. — Более трети моих бессмертных детей не пережили трансформации. Многих я потерял в первый год их бессмертной юности. Все это... может не сработать.

— Все обязательно сработает, — говорит Одетта без колебаний.

— Себастьян может впасть в безумие, как это случилось с его матерью, — продолжает Никодим. — В стремлении

к смерти Феломена уничтожала все на своем пути, пока нам ничего другого не осталось, как только покончить с ужасами, которые она творила.

— У Бастьяна иная судьба.

— Не будь наивной. Такая судьба вполне может ждать и его.

Одетта отвечает совершенно спокойно:

— Это риск, на который вы пошли.

— Однако все равно риск. Именно поэтому я отказал его сестре, когда несколько лет назад она просила меня обратиться к ней. — Он выдыхает. — И в конце концов мы все равно ее потеряли в пожаре.

— Мы не потеряем Бастьяна, как потеряли Эмили. И его судьба не будет похожа на судьбу Феломены.

— Ты говоришь с такой твердостью в голосе, мой милый оракул. — Он делает паузу. — Это твой дар предвидения наделяет тебя незыблемой уверенностью?

— Нет. Несколько лет назад я поклялась Бастьяну, что никогда не стану заглядывать в его будущее. И я сдержала обещание. Однако я доверяю своему сердцу, которое говорит мне, что надежда восторжествует. Она... просто-напросто должна.

Несмотря на кажущуюся нестигаемой веру Одетты, я ощущаю ее беспокойство. Мне жаль, что я не могу взять ее за руку, сказать что-то ободряющее. Однако я по-прежнему заперт в своих мыслях, и мой гнев затмевает все остальное. Он оседает пеплом у меня на языке, пока во мне не остается ничего, кроме жажды. Желания быть любимым. Сытым. Но больше всего на свете мне хочется уничтожить все вокруг.

Никодим долгое время молчит.

— Увидим. Его гнев будет велик, в этом нет сомнений. Себастьян никогда не хотел становиться одним из нас. Он стал свидетелем того, какой ценой дается обращение, еще когда был ребенком.

Мой дядя отлично меня знает. Его мир отнял у меня всю родню. Я думаю о своих родителях, которые погибли много лет назад, пытаюсь меня защитить. Думаю о сестре, ко-